

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »
 Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ Невозвратнаго прошлаго. Сергѣй Атава. — II. Григорій Савичъ Скворода. *. — III. Памяти Ѳ. М. Достоевскаго. (Окончаніе). А. Толлѣрова.

ИЗЪ НЕВОЗВРАТНАГО ПРОШЛАГО. *)

ИЗЪ только въ воздухѣ запахнетъ весной, еще за долго до проталинъ и полной воды, — въ деревнѣ ужъ все оживаетъ. Кто живаль по зимамъ въ деревнѣ, знаетъ что за бодрое, сильное чувство и сознаніе жизни пробуждаютъ эти первые весенніе дни. И не одни

*) Разсказъ первый — „Изъ невозвратнаго прошлаго“ того же автора см. № 39 „Грушечки“ 1880 года.

люди — всѣ имъ рады: и птицы, и собаки, и лошади. Чудесно, хорошо въ это время въ деревнѣ. Кто выросъ и провелъ свое дѣтство въ городѣ—никогда не пойметъ деревни, такъ же точно, какъ никогда не пойметъ, какъ много онъ потерялъ въ этомъ. Это цѣлый міръ ощущений и цѣлый міръ воспоминаній, которыя ни чѣмъ не замѣнимы и ни съ чѣмъ не сравнимы. Каменные городскія стѣны, каменные мостовыя, тумбы, фонари — нѣтъ, это совсѣмъ не та „природа“...

Хорошіе люди вездѣ есть, конечно: и въ деревнѣ, и въ городѣ, и даже въ самыхъ большихъ городахъ, такихъ, напримеръ, какъ столица,—но въ деревнѣ ихъ больше. И совсѣмъ не потому, что въ деревнѣ, т. е. правильнѣе, въ деревняхъ живетъ больше людей, чѣмъ въ городахъ. Нѣтъ, тамъ потому больше хорошихъ людей, что тамъ люди ближе, дружнѣе живутъ съ природой, окружены ею и въ нее влюблены, а не въ сухіе, холодные, жадные городскіе задачи и интересы.

И человѣка, выросшаго въ деревнѣ, вѣчно будетъ тянуть туда. Въ городѣ онъ будетъ вѣчно чужой, если ужъ не особенно какое-нибудь черствое у него сердце.

И всѣмъ тогда, т. е. весной, хочется дышать этимъ живымъ воздухомъ. Люди деревни знаютъ это и потому въ такіе дни выпускаютъ на свѣтъ Божій своихъ зимнихъ заключенниковъ—коровъ, овецъ, лошадей.

У лошадей въ это время бываютъ дѣти-жеребята. Они еще совсѣмъ глупые, даже ходить не умѣютъ—все какъ-то широко разставляютъ ноги, путаютъ ихъ, спотыкаются то и дѣло. Имъ этотъ живой воздухъ быть можетъ еще нужнѣе, чѣмъ взрослымъ. На конныхъ заводахъ знаютъ это. Оттого въ первые же такіе „теплые“ (это такъ только говорить: „теплые“—какіе еще они теплые, когда снѣгъ лежитъ и въ полѣ, и на дворѣ) дни на широкой конюшенный дворъ конюхи выносятъ охалками сѣно и раскидываютъ его по двору. Когда это сдѣлано, т. е. обѣдъ лошадямъ сервированъ и поданъ, ихъ выпускаютъ изъ „отдѣловъ“, „стойлъ“, словомъ,

изъ всѣхъ тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ они прожили всю зиму, и гдѣ у нихъ теперь родились эти смѣшныя, нескладныя, неловкія дѣти. И какая это славная картина. Выпустили на дворъ много лошадей—сорокъ, пятьдесятъ и всѣ съ дѣтьми. Въ первый моментъ разомъ все перепутается: жеребята „отобьются“ отъ матерей своихъ, ржутъ, матери ихъ ищутъ, обнюхивая чужихъ, но ни одна взрослая лошадь не только не ударить, —кажется даже, не толкнетъ чужого жеребенка. Если даже къ ней и подойдетъ сосать чужой жеребенокъ — она только уклонится отъ этого, не дастъ ему, но ни за что не обидитъ его. Въ этомъ отношеніи они умнѣ насъ, людей. Люди чаще обижаютъ и своихъ, и чужихъ дѣтей, чѣмъ лошади...

Но вотъ первая суматоха прошла, всѣ разобрались, всѣ другъ друга нашли, ржаніе почти прекратилось. Взрослыя лошади нагнулись надъ сѣномъ, ѣдятъ его, фыркають. Всю зиму они ѣли его изъ яслей, теперь надо нагибаться, доставать съ полу. Нагибаются надъ нимъ и жеребята, нюхаютъ его, нюхаютъ не виданной еще ими. снѣгъ—все это очень занимаетъ ихъ, повидимому.

Такъ погуляютъ они часа два. Еще ранняя весна; дни еще коротки; солнце пригрѣваетъ лишь среди дня, а къ вечеру опять холодно, морозить. Продрогнуть и жеребята съ непривычки—„въ отдѣлахъ“ у нихъ тепло, мягко. Туда ихъ теперь опять и отправятъ: погуляли и довольно, завтра можно опять, если будетъ „теплый“ день. И это дѣлаютъ все чаще и чаще, потому что „теплые“ дни становятся чаще. Зачѣмъ же держать ихъ въ заперти — пусть себѣ бѣгаютъ на чистомъ воздухѣ, а взрослымъ лошадямъ все равно, гдѣ ни ѣсть сѣно, да и имъ, разумѣется, и веселѣй, и здоровѣй быть на чистомъ-то воздухѣ.

Но вотъ на буграхъ показались проталины, зачернѣла земля; снѣгъ посинѣлъ, пожелтѣлъ, дорога стала совсѣмъ рыхлая, грязная; ледъ на рѣкѣ вздуло и онъ—такой прежде ясный и чистый—теперь сталъ тоже синій и тусклый, со-

всѣмъ безъ блеска. Скоро, скоро унесетъ его полая вода. Наберегу, на вѣткахъ ракизовыхъ кустовъ показались потки сперва маленькіе и бѣленькіе, какъ серебряныя, шарики, и съ каждымъ днемъ они все крупнѣютъ и бѣлѣютъ. Къ вербной недѣлѣ они будутъ ужъ совсѣмъ крупныя, а если этихъ вѣтокъ нарѣзать да поставить ихъ въ воду—дня черезъ три или четыре покажутся и листики. Такъ въ деревнѣ всегда и дѣлаютъ: очень ужъ хочется всѣмъ весны, зелени поскорѣй—оттого и „подгоняютъ“ весну. Но она и сама не дремлетъ. Что ни день, все меньше снѣгу, шире проталины, чернѣе и чернѣе дѣлается земля, ручьи такъ и бѣгутъ со всѣхъ сторонъ къ рѣкѣ. Еще день—два и люди услышали вечеромъ какой-то гулкій шумъ на рѣкѣ.

— Тронулась! Рѣка тронулась!...

— Вода нонче „дружная“, „сильная“, говорятъ мужики, посматривая съ берега на плывущія льдины.

Если такая погодка еще съ недѣлю простоить, — надо выѣзжать пахать. Сѣвъ отличный будетъ... Надъ головами слышится частое-частое посвистываніе — утки пролетѣли. Ну, совсѣмъ, значить, весна. Погода будетъ теплая. Птицы отлета чувтъ это и не летятъ пока не получаютъ увѣренности или даже убѣжденія, что зима ужъ совсѣмъ прошла. Еще нѣсколько дней и дождикъ — крупный, какъ лѣтомъ бываетъ. Онъ ужъ совсѣмъ покончить со снѣгомъ, окончательно доканаешь его и сгонить. Ждетъ не дождется, когда наконецъ это случится и поле, и выгонъ, и садъ, и лѣсъ. Вотъ хоть на лугу, если нагнуться и тихонько поводить рукой по остаткамъ почти сопрѣвшей прошлогодней травы—изъ самыхъ корней ея, какъ щеточки, немного потолще булавки, ужъ лѣзетъ молодая блѣдно-зеленая трава. Съ каждымъ днемъ она будетъ все больше и зеленѣй. Недѣли не пройдетъ—лугъ ужъ будетъ зеленый. И такъ странно встрѣтить въ это время гдѣ-нибудь въ канавѣ, въ чащѣ, запоздавшій растаять, точно спрятавшійся снѣгъ. Богъ съ тобой, прощай, голубчикъ!

Теперь ужъ не на конюшенный дворъ, а на лугъ, на выгонъ выпускають лошадей и жеребятъ. Они ужъ тамъ теперь съ самаго утра и до вечера. И теплѣй стало, да и они попривыкли, стали постарше, выучились бѣгать, теперь ужъ они не „заплетають“ ногами, не спотыкаются, а такими молодцами скачуть по лугу, хвостики къ верху, головы откинута такъ гордо, увѣренно—славная картинка.

Но трава еще такая маленькая, что ее почти нельзя щипать, а между тѣмъ лошади-матери должны кушать больше и лучше прежняго: дѣти-жеребятъ и растутъ и потомъ теперь имъ такой моціонъ, что они то и дѣло пристають къ нимъ, просятъ молока. А откуда его взять? Поэтому на лугъ привозятъ съ канюшни сѣно и такъ же, какъ и прежде на дворѣ, раскладываютъ охапками. Скоро, однако, не нужно будетъ этого дѣлать. Онѣ перестанутъ его ѣсть. Еще нѣсколько деньковъ, и трава поднимется достаточно для того, чтобы ее можно было уцѣпнуть и откусить. Балуютъ, пробуютъ щипать ее, учатся и жеребята, но, разумѣется, это такъ одно только дурачество, шалость ихъ. Начнетъ щипать, уколеть губы и испугается, даже вздрогнетъ, отскочитъ и чихнетъ.

Тутъ, т. е. на выгонѣ, они проведутъ только раннюю весну, такъ до середины мая, не позже. Долго ихъ оставлять тутъ нельзя и не зачѣмъ. Во-первыхъ, тутъ „тѣсно“ и потому травы хорошей мало. Да и зачѣмъ ихъ держать тутъ, когда для нихъ есть отличное раздолье—степь. Вотъ туда-то ихъ въ срединѣ мая и отправятъ на житье вмѣстѣ съ ихъ жеребятами вплоть до самой осени.

Это отправленіе табуна — цѣлая деревенская эпопея. Уходъ табуна въ степь интересуетъ всѣхъ, и много народа принимаетъ въ этомъ самое живое и близкое участіе. Степью обыкновенно называютъ никогда не паханную землю, но теперь такой земли въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ у насъ самое главное коннозаводство, осталось ужъ очень-очень мало. Теперь степью называютъ просто „залуженную“ землю, т. е. такую пашню, которую долго пахали, „выпахали“ до того,

что на ней тутъ плохо сталъ родиться хлѣбъ, теперь посѣяли овесъ вмѣстѣ съ тимopheевой травой и клеверомъ, да такъ и „бросили“ лѣтъ на десять, на двадцать. Часть этой земли пойдетъ подъ сѣнокосъ, а по другой половинѣ будутъ цѣлое лѣто гулять и кормиться лошади. Опытный деревенскій житель конечно сразу отличить настоящую степь отъ залежей, но для непривычнаго глаза никакой нѣтъ разницы. Такая же безконечная равнина волнующейся травы. Непривычный человѣкъ не знаетъ вѣдь, что на „залежахъ“ не растутъ нѣкоторыхъ травъ, составляющихъ характерную особенность настоящей степи, какъ на примѣръ, клубника, а главное—знаменитый ковыль.

Въ такую-то настоящую или дѣланную степь теперь и угоняютъ табунъ. Тамъ съ лошадьми цѣлое лѣто будутъ жить и люди-конюхи—тѣ самые, что „ходили“ за ними зимой, на конюшнѣ.

Та земля, которая ближе къ деревнѣ и вообще къ усадьбѣ, всегда обрабатывается, потому что она „подъ руками“, не теряется время на ходьбу, на работу и на возвращеніе съ работы. Поэтому степь всегда бываетъ въ самомъ концѣ дачи, иногда версты за четыре, за пять. Очевидно каждый день угонять туда табунъ утромъ и пригонять его домой вечеромъ, трудъ совершенно напрасный и не нужный, задаромъ только „морить“ лошадей, особенно молодыхъ еще жеребятъ. Въ этомъ-то отчужденіи лошадей и людей, отправляющихся съ ними отъ усадьбы и деревни, и заключается вся поэзія табуна и весь тотъ интересъ, который вызывается такимъ отчужденіемъ. Тамъ, гдѣ конные заводы, все населеніе ужасно любитъ лошадей. И вотъ теперь надо съ ними разстаться, ихъ долго не увидятъ. Надо разстаться надолго и съ людьми, которые уѣдутъ съ ними. Конечно, они будутъ пріѣзжать оттуда, но не каждый день, не каждую даже недѣлю.

Надо позаботиться объ нихъ. Надо устроить все-таки,

чтобы имъ тамъ, въ степи, было гдѣ и укрыться отъ дождя, чтобы было на чемъ и что ѣсть и проч.

Поэтому за нѣсколько дней до ухода табуна въ степь туда отправляютъ людей для устройства всего этого. Устройство это, разумѣется, самое простое. Тамъ, гдѣ нибудь на берегу озера, сдѣлаютъ большой, просторный, плетневый курень, покроютъ его соломой. Внутри сдѣлаютъ такія же плетневые кровати, на нихъ, потомъ, когда придетъ табунъ, конюхи ужъ сами „навяжутъ“ каждый для себя по своему вкусу изъ соломы „щитовъ“,—нѣчто въ родѣ матрасовъ—и спать лѣтомъ. Посуду, т. е. котлы, деревянные чашки, ложки, столы, скамейки и пр. привезутъ на подводѣ, которая поѣдетъ за табуномъ, когда онъ пойдетъ въ степь. Это для людей. Для лошадей сдѣлаютъ „загонъ“, т. е. смотря по величинѣ табуна, огорожатъ „жердями“ мѣсто приблизительно равное четверти десятины. Туда ночью и загоняютъ лошадей. Этотъ загонъ устраиваютъ на самомъ берегу, чтобы было гдѣ пить лошадямъ, и при томъ возлѣ самага куреня, чтобы лошади постоянно были на виду и на слуху у конюховъ. А то мало ли что можетъ ночью случиться? Подойдетъ „звѣрь“, т. е. волкъ, а то и такъ чего могутъ испугаться, „шарахнется“ табунъ—бѣда. И дѣйствительно бѣда. Загонъ ломаютъ и понесутся куда глаза глядятъ. Скачутъ ничего не видя, какъ попало, по чемъ попало. Рожь, овесъ, другой какой хлѣбъ попадется имъ по дорогѣ—все вытопчутъ, повалятъ. Это каждый годъ слышешь: то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ „сорвался“ табунъ. Иногда удастся догнать и остановить его верстъ за десять. Сколько же на такомъ пространствѣ они вытопчутъ засѣянныхъ полей, сколько даромъ, въ одну ночь пропадетъ и работы, и надежды. Убытокъ огромный они могутъ надѣлать. Да, наконецъ, и сами другъ друга могутъ зашибить ночью, особенно молодыхъ-то жеребятъ, которые при этомъ, понятно, тѣсняются въ общей свалкѣ: одна ногу сломала, другой копыто сорвалъ, та напоролась на что нибудь. Ужасно боятся такого случая и по-

тому всегда двое по крайней мѣрѣ конюховъ всю ночь не спятъ, разведутъ костеръ, закурятъ трубки, да такъ и сидятъ до зари, прислушиваясь къ тому, что происходитъ въ загонѣ. Вотъ одна вдругъ заржала—потеряла, значитъ, своего жеребенка—онъ отошелъ куда-то и она зоветъ его. Вотъ стукъ копытъ въ изгородь—задремала, чего то испугалась во снѣ и лягнула. Вотъ собака, что все время смирно лежала тутъ же у костра, начала что-то оглядываться, ворчать. На нее разъ прикрикнули; не слушается, продолжаетъ рычать. Прикрикнули второй разъ — тоже самое. Наконецъ она не вытерпѣла и вдругъ съ лаемъ кинулась туда въ даль, въ степной мракъ... А лѣтомъ ночи такія темныя, что хоть глазъ выколи—ничего почти въ двухъ шагахъ не увидишь.

— Жучка, фю—ю—ю! Назадъ, сюда! кричитъ ей конюхъ, но она такъ и заливается, лаеетъ.

— Звѣря должно почуяла.

— Однако надо къ загону пойти...

— Нѣтъ, слушай, кто-то ѣдетъ—колеса стучать.

— Да кому-же? Развѣ сбился какой?...

И, дѣйствительно, стукъ все явственнѣе, Жучка лаеетъ все горячѣй и злѣй... Немного погода изъ мрака вырисовывается освѣщенная свѣтомъ костра сперва морда лошади, а потомъ и вся она съ телѣгой и кѣмъ-то сидящимъ въ телѣгѣ.

— Чей это, братцы, табунъ?

— Скуратовскій. А тебѣ зачѣмъ?

— Да сбился.

— Тебѣ куда надо-то?

— Въ Ивановку.

Хохотъ...

— Въ Ивановку развѣ тутъ дорога?

— Хмѣлень?

— Какой хмѣлень! задремаль—лошадь и своротила съ дороги.

Пріѣхавшій слѣзаетъ, кланяется, вынимаетъ трубку, табакъ и присаживается къ огню. Ему отъ скуки рады, бол-

таютъ съ нимъ. Иногда отъ такого полусоннаго, полушьянаго узнаютъ новости. И незамѣтно пройдетъ время до разсвѣта. Пора лошадей выпускать. Пріѣзжій уѣзжаетъ. Не спавшіе всю ночь конюхи будятъ спящихъ, тѣ встаютъ, умываются, крестятся на востокъ, садятся на „своихъ“ лошадокъ, всю ночь проходившихъ на „приколѣ“ не разсѣданными, вынимаютъ нѣсколько жердей изъ загона, въ образовавшіеся такимъ образомъ ворота, которая шагомъ, а которая и рысью выходятъ лошади, и черезъ нѣсколько минутъ табунъ разбредется по всей степи на такомъ пространствѣ, что дальнія лошади кажутся совсѣмъ маленькими. Почти каждая лошадь особенно дружна съ какой-нибудь другой, и эти подруги всегда ходятъ неразлучной парочкой. Въ такой же дружбѣ вырастаютъ и ихъ дѣти. Это очень характерная черта у нихъ.

Теперь „ночные“, т. е. неспавшіе ночью конюхи ложатся спать. Табунъ ушелъ отъ куреня далеко. Одинъ изъ конюховъ захватилъ съ собою котелокъ, хлѣба, сала, пшена, соли, ложекъ. Немного погода покажется дымокъ: это они будутъ варить себѣ кушанье на завтракъ.

Лошади тоже любятъ завтракать. Онѣ даже никогда почти не обѣдаютъ—онѣ завтракаютъ и ужинаютъ. Утромъ и вечеромъ трава сочная, въ росѣ и потому вкуснѣе. Въ это время онѣ и щиплютъ ее гораздо прилежнѣе, чѣмъ среди дня, когда ужъ наступитъ жара, и трава дѣлается сухая, вялая. Въ полдень лошади обыкновенно смирно стоятъ, положивъ одна другой головы на шею, дремлютъ и тихо помахиваютъ хвостами, отгоняя мухъ, оводовъ. Жеребята къ этому времени успѣютъ ужъ набѣгаться, нарѣзвиться, покушаютъ молока и усталые въ растяжку тутъ же лежатъ и крѣпко спятъ. Взрослыя лошади рѣдко ложатся—онѣ и спятъ стоя. Если лошадь ложится—всегда подозрительно: это одинъ изъ характерныхъ признаковъ, что она нездорова. Или утромъ рано, когда еще не жарко, или къ вечеру, когда жара ужъ спадетъ, въ табунъ непременно кто-нибудь пріѣдетъ изъ усадьбы—конюшій, наѣздникъ, а то и самъ баринъ—провѣдать, посмо-

трѣть все ли въ порядкѣ. Въ это же время привозятъ людямъ хлѣбъ, лукъ, огурцы, сало, мясо: ихъ не забываютъ вѣдь. Приѣзжаетъ и коноваль осмотрѣть нѣтъ ли больной лошади.

Съ этими же ревизорами—разумѣется, кромѣ самого барина—жена и вообще родственники конюховъ присылаютъ гостинцы, т. е. ватрушки, пышки, пироги, яйца и т. д. Они же привезутъ имъ и чистыя рубахи.

И такъ живутъ тамъ въ степи и лошади, и люди, вплоть до осени и довольно глубокой. Если приставить къ такому дѣлу городского жителя, онъ конечно соскучится безъ трактировъ, безъ „улицы“, а деревенскій никогда тамъ не скучаетъ и съ такимъ теплымъ чувствомъ зимой вспоминаетъ про свое житье въ степи, про разные случаи, страхи, что и рѣчи не можетъ быть ни о какой скукѣ.

Но вотъ чаще сталъ идти дождикъ и идетъ такой мелкій, какъ сквозь сито сѣетъ. Начнетъ съ утра и такъ на цѣлый день зарядитъ, а то и на два, на три. Все мокро, холодно, насквозь все промочено. Лошади какъ-то съежились, сторбились, про жеребятъ ужъ и говорить нечего—совсѣмъ жалкаго вида. И люди какъ ни грѣются и ни сушатся у огня, все равно и ихъ сквозь поддевки и бурки пробираетъ дождикъ. Сѣно на той половинѣ степи, по которой не ходилъ табунъ, давно ужъ сметано въ „стога“ и даже половина стоговъ ужъ свезена на конюшню, на сѣноваль, на гумно. Тѣ, что остались, — ихъ свезутъ зимой, когда будетъ ужъ на исходѣ свезенное теперь. Убранъ и также свезенъ на гумны и хлѣбъ, ни одной копны не видно. Ясные, сухіе дни—ужъ „за рѣдкость“. Хороши они, эти ясные, осенніе дни, но ихъ такъ мало, что рассчитывать на нихъ и жить дольше въ степи невозможно, не стоитъ. Пора домой. Обыкновенно всегда очень торопятся отправить табунъ въ степь и очень медлятъ съ его возвращеніемъ. Это понятно: когда лошади въ степи—или на подножномъ корму, который ничего не стоитъ, т. е. по крайней мѣрѣ никакого труда не стоитъ; а

на конюшнѣ, какъ только ихъ пригонятъ — ихъ вѣдь надо „кормить“, т. е. тратить на нихъ то, что наработали для нихъ за лѣто люди, и что наработали они для нихъ не даромъ, за что заплачено. Вотъ почему всегда держать табунъ до тѣхъ поръ, пока ужъ станетъ держать его тамъ совсѣмъ невозможно. Наконецъ этотъ всѣми желанный день наступаетъ. На конюшнѣ ужъ давно все приготовлено для ихъ встрѣчи, всѣ стойла и отдѣлы вычищены, тамъ настлана солома чистая, свѣжая, въ ясляхъ лежитъ сѣно. Чтобы не такъ былъ непріятенъ переходъ отъ травы, которая вкуснѣе, къ сѣну,—его опрыскали соленой водой: лошади это любятъ. Но ужъ все не то. Прощай, вольная степная жизнь: на полгода опять въ тюрьму. А тутъ еще новое горе: какъ только пригонятъ на конюшенный дворъ, такъ и начнутъ жеребятъ „отнимать“ отъ ихъ матерей. Довольно полакомились молокомъ—пора за сѣно, за овесъ приниматься. И ржаніе же бываетъ при этомъ! Но чтожъ дѣлать и дѣти плачутъ когда отнимаютъ ихъ отъ кормилицы. Цѣлый день и цѣлую ночь напролетъ въ конюшнѣ слышится это ихъ ржаніе.

— Скучаютъ!

— Эхъ, милый человѣкъ, тоже вѣдь... говорятъ и конюхи, и все конюшенное начальство—наѣздники, конюхи, коноваль, кучера и остаются неумолимы.

— Привыкнуть!

— Очень ужъ жалостно...

Дня черезъ три и въ рѣдкихъ случаяхъ черезъ недѣлю, дѣйствительно, конюшенная музыка прекращается и все население жуетъ очень смирно и усердно, забывъ свои другъ къ другу симпатіи и родственныя чувства. Черезъ мѣсяць или два онѣ и не узнаютъ другъ-другу...

А тамъ, когда имъ будетъ по три года, пріѣдутъ на заводъ ремонтеры, барышники купятъ ихъ и развезутъ по всей Россіи, за-границу. Вотъ когда собственно начнется то ихъ

горькое житье. Тутъ узнають они и кнутъ, и возжи, и мостовую. Городъ со всѣмъ этимъ познакомить ихъ и въ концѣ концовъ искалѣчить.

Въ деревнѣ всѣмъ лучше живется...

Сергѣй Атава.

ГРИГОРІЙ САВИЧЪ СКОВОРОДА.

Малоросейскій Философъ.

АВВА, сказала однажды жена
казака Скворода своему мужу,
отдадимъ сына въ науку.

— Право? отдадимъ — отвѣчаль
Скворода.

И отдали они сына своего Гри-
горья въ кievское училище.

Казакъ Скворода жилъ съ же-
ною и сыномъ въ Лубянскомъ уѣздѣ,
Кievской губерніи, въ сельцѣ Лерну-
хахъ.

Это были люди честные, правди-
вые, страннопріимные и богобоязненные.

Въ 1726 году у нихъ родился сынъ Григорій. Съ воз-
растомъ въ мальчикѣ обозначился умъ и доброе сердце, а
примѣръ родителей съ колыбели вліялъ на развитіе въ немъ
чувства благочестія такъ сильно, что когда мальчику ми-

нуло лѣтъ семь или восемь, то лучшимъ наслажденіемъ его стало ходить въ сельскую церковь. Едва дьячекъ растворялъ церковныя двери, маленькій Гриша былъ тутъ какъ-тутъ, становился на клиросѣ и, какъ только начиналось богослуженіе, подтягивалъ дьячку своимъ чистымъ, тоненькимъ голоскомъ; дома же пѣлъ любимый имъ стихъ Іоанна Дамаскина: „Образу златому“.

Съ лѣтами въ Гришѣ все болѣе и болѣе обозначалась склонность къ музыкѣ. Пѣвчія птицы были первыми учителями его. Онъ дѣлалъ себѣ сопилки (родъ флейты), съ ранняго утра отправлялся въ рощу или на берегъ рѣчки и тамъ, играя на сопилкѣ, старался передать на ней голоса птицъ и ихъ трели. Мало-по-малу, совершенствуя свой инструментъ, онъ достигъ до того, что могъ наигрывать на немъ священные гимны. Поступивши въ училище, Гриша кротостію и умомъ привлекъ къ себѣ сердца какъ преподавателей, такъ и товарищей; а отличные успѣхи его въ наукахъ, любовь къ музыкѣ и прекрасный голосъ обратили на него особенное вниманіе тогдашняго кіевскаго митрополита Самуила Мисловскаго, когда при возшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, потребовали доставить въ придворную капеллу хорошаго пѣвчаго, то Мисловскій избралъ Гришу и отправилъ его въ столицу. Въ Петербургѣ Григорій Савичъ прилежно изучалъ музыку и пѣніе и такъ же, какъ и на родинѣ, пользовался всеобщимъ расположеніемъ и лаской.

Спустя нѣсколько времени, императрица посѣтила Кіевъ, вмѣстѣ съ нею, въ числѣ придворныхъ пѣвчихъ, прибылъ и Сковорода, но возвратиться въ Петербургъ не хотѣлъ и попросилъ увольненія. Получивши отставку, онъ вступилъ въ кіевскую семинарію и сталъ съ увлеченіемъ учиться, говоря: „ученье — свѣтъ, а не ученье — тьма“. Но знанія, какія онъ могъ пріобрѣсти въ кіевской семинаріи, казались ему недостаточными; онъ хотѣлъ и больше видѣть и, больше знать. Счастливая судьба помогла ему.

Въ это время отправлялся отъ двора въ Венгрію генераль Вишневскій и искалъ человѣка, знающаго церковное пѣніе, для находившейся тамъ греко-россійской церкви. Ему представили Сковороду, который зналъ не только-что музыку, но и отлично говорилъ по-русски, малороссійски, по-нѣмецки, гречески и по-латинѣ. Вишневскому онъ понравился и онъ взялъ его съ собою. Когда же онъ узналъ его умъ и нравственные достоинства, то доставилъ ему средство побывать въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ Австріи. Сковороду интересовали не столько мѣста, сколько ученые люди. Въ Германіи онъ сошелся съ извѣстнѣйшими людьми того времени, соединилъ свои религіозныя убѣжденія съ идеями германской философіи и возвратился въ отечество обогащенный знаніями. На родинѣ Григорій Савичъ съ огорченіемъ увидалъ, что его соотечественники далеко отстали отъ просвѣщенія роскошно разлитого въ Европѣ, и съ любовью старался представить имъ всю прелесть наукъ, всѣ чудеса открытій, все дивное строеніе вселенной.

Не привыкшіе къ свѣту, они боялись и сторонились свѣта до того, что когда Сковорода, приглашенный въ городское училище преподавателемъ поэзіи, сталъ читать ученикамъ разсужденіе о поэзіи, то новая метода преподаванія показалась до того опасною, что ему отказали отъ мѣста. Оставшись безъ мѣста, Сковорода остался и безъ средствъ къ жизни. Кромѣ носильнаго платья, у него не было не только-что никакого состоянія, но даже и самой скромной хаты, гдѣ бы онъ могъ преклонить голову и отдохнуть. Добродушный и вѣрующій, онъ не терялъ бодрости духа и былъ счастливъ внутреннимъ состояніемъ своего духа. Вскорѣ богатый помѣщикъ Тамара пригласилъ Сковороду воспитывать своего единственнаго сына, мальчика избалованнаго, который умѣлъ только гонять голубей, ловить воробьевъ и травить собаками крестьянскихъ ребятъ. Сколько ни старался Григорій Савичъ возбудить въ своемъ воспитанникѣ любовь къ полезнымъ занятіямъ, все было напрасно, тогда

онъ попробоваль подѣйствовать строгостію — ему отказали отъ мѣста.

Изъ жизни Григорія Савича видно, что онъ по натурѣ своей былъ наклоненъ вести образъ жизни страннической и поучать, не стѣсняясь никакими условіями.

Онъ оставилъ мѣсто преподавателя въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, стосковавшись по родинѣ, и поступилъ учителемъ въ Харьковѣ въ коллегію, когда же тамошній епископъ Миткевичъ предложилъ ему принять монашество, то въ отвѣтъ на это Сковорода попросилъ у него благословенія на путь. Этимъ нѣмымъ отвѣтомъ выразилъ, что и не стѣсняя себя монашествомъ, можно сохранить чистоту души и совѣсти.

Вскорѣ вездѣ распространился слухъ о добродѣтельной страннической жизни и о наставительныхъ бесѣдахъ Сковороды. Всѣ хотѣли его видѣть, всѣ предлагали ему свою дружбу, свои дома.

Въ Харьковѣ онъ больше всѣхъ сдружился съ М. И. Ковалевскимъ, молодымъ человѣкомъ съ свѣтлымъ умомъ и чистой душой, но который воспитался въ понятіи, что счастье состоитъ въ роскоши, беззаботности и удовлетвореніи желаній, а Сковорода училъ, что счастье состоитъ въ ограниченіи желаній, въ трудолюбіи и исполненіи долга. Впослѣдствіи Ковалевскій весь отдался дружбѣ и наставленіямъ Сковороды.

Когда харьковскій губернаторъ Щербининъ говорилъ Сковородѣ, пригласивши его къ себѣ, для чего онъ не избретъ себѣ никакого опредѣленнаго положенія, то Сковорода отвѣчалъ ему: „Міръ подобенъ театру, чтобы представлять въ немъ съ успѣхомъ и похвалою, должно брать роли по способностямъ, потому что дѣйствующее лицо получаетъ похвалу не по значительности роли, а за удачную игру; неспособный представлять удачно какое-либо лицо, кромѣ простоты и смиренія, я самъ избралъ эту роль и до-

воленъ собой; трудъ при врожденной склонности—удовольствіе.

Любя уединеніе, Сковорода поселился близъ Харькова, на пасекѣ Гужвинской — помѣщиковъ Зембровскихъ, тамъ посреди лѣса, въ уединенной хижинѣ и на свободѣ, онъ написалъ свое первое полное сочиненіе „О познаніи са-мого себя“.

Приглашенный богатыми помѣщиками Сапалъскими въ ихъ деревню Гусинку, онъ полюбилъ и мѣсто, и хозяевъ и поселился у нихъ также на уединенной пасекѣ. Въ 1770 г., бывши съ Сапалъскими въ Кіевѣ, Сковорода, спускаясь однажды по горѣ на Подоль, почувствовалъ запахъ трупа и, не смотря ни на какія убѣжденія, на другой же день отправился въ Ахтырку. Спустя нѣсколько дней, въ Кіевѣ открылась чума.

Сковороду, по справедливости, называютъ странствующимъ философомъ. Повсюду онъ былъ гость и нигдѣ—хозяинъ. Своимъ называлъ только приобрѣтенное знаніе, а земнымъ богатствомъ считалъ „мудрость“.

Самое замѣчательное сочиненіе Сковороды „Начальная дверь къ христіанскому благонравію“ навлекло на него гоненіе духовенства того времени, заставило удалиться изъ Кіева и вести скитальческую жизнь. Тѣмъ не менѣе, это сочиненіе положило основаніе его славы, хотя онъ ея и не искалъ; а примѣрная доброта и строгія нравственныя правила приобрѣли всеобщее уваженіе и любовь. Довольствовался онъ малымъ; сѣрая свитка, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ его сочиненій—вотъ и все его имущество. Собираясь странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ свой убогій скарбъ, и, перекинувши мѣшокъ черезъ плечо, отправлялся въ путь съ своими двумя неразлучными спутниками—палкою-журавлемъ и флейтой. То и другое было собственнаго руководѣля.

Музыка и пѣніе были постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ и въ старости. Игралъ онъ и пѣлъ, не оставляя своей задумчивости и какъ бы суровости. Фан-

тази и симфоніи его носили характеръ печальный и грустный, онъ рѣдко измѣнялъ своей важности и по застѣнчивости своей терялся, когда передъ нимъ разливались въ привѣтствіяхъ и спѣшилъ уйти.

Гостивши у помѣщиковъ, Григорій Савичъ выбиралъ самый уединенный уголь, жилъ просто, самъ себѣ былъ слугою. Людей онъ любилъ, пороки ненавидѣлъ.

Подъ конецъ дней своихъ, онъ отправился къ другу своему, жившему верстахъ въ двадцати отъ Орла, но не прошло и трехъ недѣль, какъ стосковался по своей любимицѣ Украинѣ и, не смотря ни на убѣжденія, ни на дурную погоду, ни на болѣзнь, ни на трудность пути, поѣхалъ.

— Останься! умолялъ его другъ.

— Духъ мой велитъ мнѣ ѣхать, отвѣчалъ Сковорода.

Онъ отправился въ свое любимое пустынножителство — Гусинку, но въ концѣ пути почувствовалъ побужденіе ѣхать въ Ивановку, слободу Ковалевскаго. Здѣсь въ 1794 году и окончилъ путь свой.

Передъ кончиною, онъ завѣщалъ положить тѣло свое близъ роши и гумна и начертить на могильномъ камнѣ: „міръ меня ловилъ, но не поймалъ“.

Въ Ивановкѣ у Григорья Савича была отдѣльная, уютная комнатка, окнами въ густой садъ. Но онъ рѣдко оставался въ ней, онъ или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, или ходилъ по саду и по полямъ.

Былъ прекрасный лѣтній день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей поиграть, повеселиться и послушать Сковороды. Всѣ любили слушать его дружественныя наставленія.

За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ, разговорчивъ, шутилъ и рассказывалъ про свое былое, свои странствованія и испытанія. Изъ-за обѣда всѣ встали обвороженные его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ ушелъ въ садъ, долго ходилъ по излучистымъ тропинкамъ, раздавалъ работавшимъ въ саду деревенскимъ мальчикамъ ягоды — такъ и прошелъ день.

Вечеромъ Ковалевскій пошелъ искать Сковороду. Онъ нашелъ его подъ развѣсистой липой, сквозь густыя листья которой просвѣчивали лучи закатывавшагося солнца. Сковорода рылъ заступомъ могилу.

— Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?—спросилъ хозяинъ, подойдя къ старцу.

— Пора кончить странствіе, отвѣчалъ Сковорода, пора успокоиться.

— И братъ, пустое! полно такъ шутить! пойдемъ.

— Иду, но прежде прошу тебя, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя храмина... Они пошли въ домъ; Сковорода скоро ушелъ въ свою комнатку, переѣхалъ бѣлье, умылся, помолился Богу и, положивъ подъ голову свитокъ своихъ сочиненій и сѣрую свитку, легъ, сложивъ крестообразно на груди руки. Долго ждали его къ ужину, Сковорода не явился. На другой день къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату. Отворивъ дверь, Ковалевскій подошелъ къ кровати—Сковорода лежалъ холодный, бездыханный.

Послѣ Григорья Савича осталось много сочиненій нравственно-философскихъ, большая часть изъ нихъ хранится въ разныхъ домахъ въ Малороссіи. И теперь имя Сковороды громко отъ Харькова и до Кіева, особенно между простымъ народомъ, съ набожнымъ уваженіемъ вспоминаютъ простоту его жизни, безкорыстіе, любовь къ людямъ, особенно къ дѣтямъ. Помнятъ, какъ онъ принималъ участіе въ семейныхъ радостяхъ и горестяхъ, утѣшалъ въ несчастіи—разсказывалъ о блаженствѣ, уготованномъ послѣ кончины людямъ прожившимъ добродѣтельно. Леча душевно, Григорій Савичъ лечилъ и тѣлесно, онъ зналъ правильно употребленіе многихъ травъ. Сверхъ всего, онъ былъ отличный пчеловодъ, любилъ жить на пасекѣ и пчелы при немъ замѣчательно роились.

ПРЕДДВЕРІЕ.

(Изъ сочиненія „Сковороды“).

Благодареніе блаженному Богу о томъ, что нужно сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ.

Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье; нѣтъ же ничего и легче сего. — Благодареніе блаженному Богу!

Царствіе Божіе внутри насъ. Счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго.

Любовь непрестающее ведро и незаходящее солнце, тьму сердечную просвѣщающее. — Благодареніе блаженному Богу.

Что было бы, если бы счастье, необходимое и желательное для всѣхъ, зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастье заключилъ Богъ въ Америкѣ, или въ Канарскихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ Царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустынѣ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?... Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бы бѣдные. Кто бы могъ добраться ко всѣмъ мѣстамъ? Какъ можно родиться всѣмъ въ одномъ и томъ же времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ? Что же то и за счастье, которое утверждено на пескѣ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ человѣкѣ? Не это ли есть трудное? Истинно трудное и невозможное. — Благодареніе блаженному Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ!

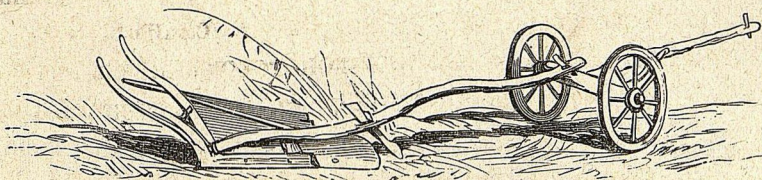
Желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не волочись по дворцамъ, не ползай по шару земному, не броди по Іерусалимамъ... Златомъ можешь купить деревню —

вещь трудную, нообходимую; — а счастье, какъ необходимая надобность, даромъ вездѣ и всегда дается. Воздухъ и солнце всегда съ тобою, вездѣ и даромъ, все же то, что бѣжитъ отъ тебя прочь, оно чуждое, и не почитай за твое; все то чуждое и лишнее. Потому-то оно и трудно. Никогда бы оно отъ тебя не разлучилось, если бы было необходимо.

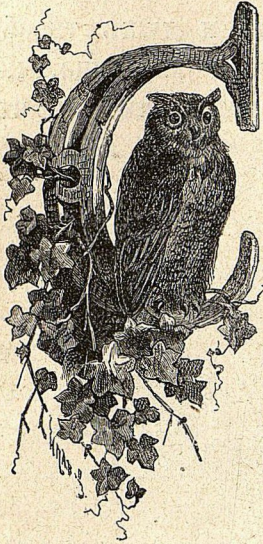
Счастье ни отъ небесъ, ни отъ земли не зависитъ.

Не далече оно, близъ есть, въ сердцѣ и душѣ твоей.

Я желаю, чтобы душа твоя, какъ Ноева голубица, не обрѣтши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу твоему, къ Тому, Кто почиваетъ въ сердцѣ твоёмъ.

ПАМЯТИ

ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВ-
СКАГО. *)

(ОКОНЧАНИЕ).

ЕМЛЯ Федора Михайловича состояла изъ отца, матери, четырехъ братьевъ и трехъ сестеръ. Отецъ былъ человѣкъ умный, образованный, очень любилъ жену, дѣтей, самъ занимался воспитаніемъ сыновей и держалъ ихъ очень строго. Мать была женщина кроткая и любящая, вся ея жизнь принадлежала дѣтямъ. Она умерла очень молодой, отецъ съ горя лишился разсудка, и чрезъ два года послѣ нея умеръ.

По словамъ В. М. Ивановой, Федоръ Михайловичъ ребенкомъ былъ чрезвычайно рѣзвъ и слылъ въ семействѣ „буйномъ“. Онъ придумывалъ всевозможныя шалости, первый же въ нихъ попадался. Но попавшись никогда не отрекался отъ нихъ. Правдивость составляла отличительную черту его характера. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ деревню и ея тишь. Когда оканчивались каникулы, онъ съ сожалѣніемъ уѣзжалъ въ городъ, не потому чтобы не любилъ занятія, напротивъ онъ учился съ большой охотой, но въ городѣ не было ни той липовой аллеи, которую онъ такъ любилъ въ своей деревнѣ, ни лѣса, гдѣ онъ, забившись въ чащу съ книгою въ рукахъ, проводилъ цѣлые дни. Тульская деревня ихъ „Даровая“, гдѣ проходило дѣтство Федора Михайловича, состояла изъ 250 десятинъ и барской усадьбы.

*) Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ дѣтства и юности Федора Михайловича обязательно доставлены намъ Вѣрой Михайловной Ивановой, сестрой Федора Михайловича, и другомъ его юности Д. В. Григоровичемъ.

Она принадлежала его отцу. Мать его была изъ купеческаго званія.

Въ 1878 г. *Θ. М.* посѣтилъ Даровую, собралъ всѣхъ крестьянъ, знавшихъ его ребенкомъ и вмѣстѣ съ ними обошелъ всѣ тѣ мѣста, которыя такъ любилъ въ ребячествѣ. Съ крестьянами онъ встрѣтился, *) какъ съ старыми любимыми друзьями, — о чемъ только они не переговорили. И замѣчательно! Онъ понималъ ихъ, и они его понимали.

Помню я, говорила *В. М. Иванова*, какъ десять лѣтъ тому назадъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ погостить. У меня много дѣтей, *Θ. М.* очень любилъ ихъ, какъ и вообще онъ любилъ дѣтей. Въ ихъ обществѣ, измученный жизнью и болѣзнями, онъ самъ дѣлался ребенкомъ. Игралъ съ ними въ жгуты, устраивалъ имъ театры и самъ появлялся въ роли Гамлета. Точно сейчасъ гляжу на него, говорила *В. М.*, какъ онъ, одѣвшись бѣлымъ медвѣдемъ, ходилъ на четверенькахъ по комнатѣ и дѣти, сидя на воображаемыхъ льдинахъ (бѣлыхъ табуретахъ), изображали несчастныхъ путешественниковъ затертыхъ льдами. Какіе неистовые крики наполняли комнату при появленіи этого страшнаго медвѣдя. Медвѣдь бросался на нихъ и цѣлуя сжималъ въ своихъ объятіяхъ.

По выходѣ изъ пансіона Чермака, замѣчательнаго тѣмъ, что воспитанники выносили изъ него большія литературныя познанія, *Θ. М.*, которому было тогда около пятнадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, поѣхалъ опредѣляться въ главное инженерное училище. Ихъ сопровождалъ отецъ.

— Помню, говоритъ *Θ. М.*, „какъ надоѣло намъ, подъ конецъ, это путешествіе, продолжавшееся почти недѣлю. Мы съ братомъ стремились тогда въ новую жизнь, мечтали обо всемъ „прекрасномъ и высокомъ“. Оба мы отлично знали все, что требовалось къ экзамену изъ математики, но мечтали только о поэзіи и поэтахъ. Братъ писалъ стихи, и даже дорогой, а я сочинялъ романъ изъ Венеціанской жизни“.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, *Θ. М.* поступилъ въ главное инженерное училище; гдѣ болѣе всѣхъ сошелся съ *Д. В. Григоровичемъ*.

Вскорѣ по поступленіи *Федора Михайловича* **) въ училище, около него образовался кружокъ, въ которомъ онъ

*) Сообщено *В. М. Ивановой*.

**) Сообщено *Д. В. Григоровичемъ*.

отличался отъ другихъ своей начитанностью. Его любимыми писателями тогда были: Куперъ и Вальтеръ-Скоттъ. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, В. Д. нелегко сходился съ товарищами. Но едва поднимался интересовавшій его вопросъ, какъ онъ мгновенно точно перерождался, и его слова лились шумнымъ потокомъ.

Свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ чтеніи.

Сойдутся бывало двое или трое: „а не почитатать ли намъ, господа, Гоголя!“—салятся и читають, пожалуй, всю ночь.

По окончаніи курса въ инженерномъ училищѣ, **О. М.** поступилъ на службу. Но не чувствуя влеченія къ этой карьерѣ, вышелъ въ отставку, взялся за перо и въ 1845 г. написалъ свою первую повѣсть—„Бѣдные Люди“.

— Писалъ я ихъ, говорилъ онъ, почти со слезами—не довѣряя своимъ силамъ, „всѣ этѣ минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ, неужели миражъ, ложъ, невѣрное чувство“.

Когда повѣсть была кончена, онъ сказалъ объ этомъ Григоровичу, который тогда уже выступилъ на литературное поприще съ своими „Петербургскими Шарманщиками“. Григоровичъ посовѣтовалъ ему отнести повѣсть къ Некрасову.

Когда **О. М.** вошелъ къ Некрасову и они пожали другъ другу руки,—онъ передалъ ему свою повѣсть, и такъ сконфузился, что, не сказавши съ Некрасовымъ ни слова, поспѣшилъ уйти.

— Вечеромъ того же дня, говорить **О. М.**, какъ я отдалъ рукопись, пошелъ къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о „Мертвыхъ Душахъ“ и читали ихъ, въ которой разъ не помню. Воротился я домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ день, петербургскую ночь. Войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: „съ десяти страницъ видно будетъ“. Но прочтя десять страницъ, прочли еще десять, а затѣмъ не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь когда одинъ

уставаль. Когда они кончили, то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: „что-жъ такое что спать, мы разбудимъ его, это выше сна“.

Просидя у него не болѣе получаса, они успѣли переговорить о многомъ, а главное о Бѣлинскомъ, и уходя сказали: „Ну теперь спите, а завтра къ намъ“.

— Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! продолжаетъ Ѳ. М. Какой восторгъ, какой успѣхъ, а главное чувство было дорого, помню ясно: у иного успѣхъ,—ну, хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!

Уходя, Некрасовъ общалъ снести рукопись къ Бѣлинскому на другой же день.

— Новый Гоголь явился! закричалъ Некрасовъ, входя къ Бѣлинскому съ „Бѣдными людьми“.

— У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ, строго замѣтилъ Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

На третій день Ѳ. М. привели къ Бѣлинскому, котораго онъ называлъ „страшнымъ критикомъ“. Бѣлинскій принялъ его важно и сдержанно. „Что-жъ, оно такъ и надо, замѣчаетъ Достоевскій, но не прошло и минуты какъ все преобразилось: важность была не великаго критика, встрѣчающаго двадцатидвухъ-лѣтняго писателя, а уваженіе къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ торопился мнѣ сказать. „Да вы понимаете-ль сами-то, заговорилъ Бѣлинскій пламенно съ горящими глазами—что это вы такое написали? Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили-ли вы сами, въ ваши двадцать лѣтъ, всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ — вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ-то себя не смѣетъ почестъ отъ приниженности и считаетъ почти за вольнодумство малѣйшую жалобу, даже признаніе права на несчастье“...

„Я вышелъ отъ него въ упоеніи“, говорилъ Ѳ. М. Я всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ на вѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ мечтахъ моихъ. Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни.

Когда въ началѣ 1846 года повѣсть была напечатана, Бѣлинскій высказалъ слѣдующее: „Талантъ Достоевскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіи его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы“.

Въ теченіи трехъ лѣтъ отъ появленія „Бѣдныхъ людей“ *Θ. М.* написалъ повѣсти: „Двойникъ“, „Господинъ Прохарчинъ“, „Нечочка Незванова“ и „Хозяйка“, и затѣмъ въ продолженіи десяти лѣтъ онъ молчалъ.

Его работа перомъ замѣнилась каторжной работой.

Закованный въ кандалы, онъ то разбиралъ барки, которыя за ненадобностью должны были идти на дрова, то цѣлый день вертѣлъ тяжелое точильное колесо, то таскалъ на спинѣ кирпичи „сначала я могъ носить только по восьми, а тамъ дошелъ и до пятнадцати“.

Зимой, послѣ вьюги, онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по несчастью, разгребалъ сугробы.

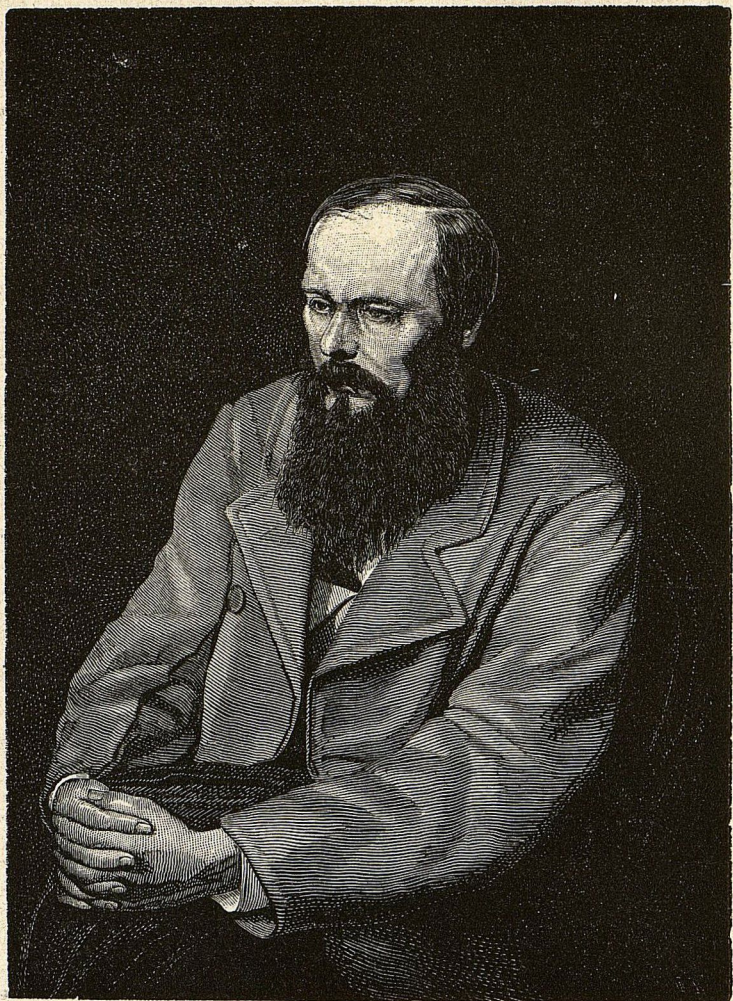
Живя среди людей отверженныхъ обществомъ, *Федоръ Михайловичъ*, отыскивая въ нихъ живую душу, первый выступилъ ихъ защитникомъ и сказалъ:

„Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальствомъ, но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ, слѣдовательно и обращаться съ нимъ надобно по-человѣчески. Боже мой! да человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно потускнѣлъ образъ Божій“.

Между арестантами *Θ. М.* полюбилъ одного молодого татарина. Открытое прекрасное лицо Алея, такъ звали татарина, привлекло къ нему *Θ. М.*

Алей по приказанію своего старшаго брата *) участвовалъ въ убійствѣ и ограбленіи одного армянскаго купца, за

*) Уваженіе къ старшимъ въ семьѣ горцевъ такъ велико, что они не имѣютъ права ослушаться.

В. Г. Бонч-Бруевич

что его судили и сослали въ Сибирь въ каторжныя работы.

„Трудно себѣ представить, говорить Достоевскій, какъ этотъ молодой человѣкъ сохранилъ мягкость сердца и такую честность, что всякая несправедливость поступка зажигала огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ“.

Любознательность Алея такъ заинтересовала Ѳ. М., что онъ предложилъ ему учиться читать. Съ увлеченіемъ принялся онъ за свои уроки; и въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать.

Разъ они прочли нагорную проповѣдь и когда Ѳ. М. спросилъ его, что ему болѣе всего нравится, онъ отвѣтилъ:

— А гдѣ Онъ говорить: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби.

Въ какихъ нибудь два мѣсяца Алею выучился прекрасно писать.

Передъ выходомъ изъ острога, Алею завелъ Ѳ. М. за казарму, тамъ бросившись къ нему на шею, зарыдалъ.

— Ты для меня столько сдѣлалъ, говорилъ онъ прощаясь, столько сдѣлалъ, что отецъ мой, мать бы столько не сдѣлали; ты меня человѣкомъ сдѣлалъ.

Долго тянулось для Ѳ. М. время. Лѣтомъ работа какъ-бы сокращала его, „а зимой, въ сумрачный день смотрѣть на рѣку и противоположный берегъ было тяжело. Что-то тоскливое надрывающее сердце было въ этомъ дикомъ пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли не тяжело, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда нибудь, въ степь, которая начиналась на другомъ берегу и растилалась къ югу непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ“.

Въ зимніе вечера, Ѳ. М. чинилъ свое обтертое носкою тяжестей платье, а изъ обносковъ онъ сшилъ одѣяло. Одиночество осужденныхъ раздѣляли: собаки Шарикъ, Бѣлка и Культяпка, которую Ѳ. М. принесъ съ работы щенкомъ. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой. Эта несчастная Культяпка была его любимицей. Но что за видъ былъ у нея! Спина вогнута, одно ухо росло внизъ, другое вверхъ, въ длину и ширину она была больше чѣмъ въ вышиину. Кромѣ собакъ у нихъ были козелъ Васька, да степной орелъ. Орла никакъ не могли приручить, онъ все рвался въ степь.

— Вѣстимо, птица степная, суровая, говорили аре-

станты, и въ одинъ прекрасный день рѣшили отпустить его на волю и сбросили съ вала въ степь. Орель, махая большимъ крыломъ, поднялся прямо (онъ былъ кѣмъ-то принесенъ израненнымъ), какъ бы торопясь скрыться у нихъ изъ глазъ.

Но вотъ и для Θ . М. наступилъ срокъ освобожденія. Наканунѣ онъ обошелъ въ послѣдній разъ около палъ весь острогъ, мысленно прощался съ почернѣлыми бревенчатыми срубамъ казармъ, и много рукъ протянулось къ нему привѣтливо. Потомъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера, онъ пошелъ въ кузницу, — тамъ упали съ него кандалы.

Федоръ Михайловичъ вступилъ въ новую жизнь бодрый духомъ, но съ разстроеннымъ здоровьемъ — у него образовалась падучая болѣзнь.

Въ 1860 году Θ . М. выступилъ съ замѣчательнымъ произведеніемъ „Униженные и Оскорбленные“, а въ 1867 г. онъ издаетъ „Записки изъ Мертваго Дома“, а въ 1867 пишетъ новый романъ „Преступленіе и Наказаніе“. Всѣ они могутъ считаться перлами нашей отечественной литературы. Въ 1876 и 1878 г. Θ . М. издавалъ свой „Дневникъ Писателя“.

Въ послѣднемъ „Дневникѣ“ онъ высказалъ свои надежды на юношество. Я потому, говорилъ онъ, такъ надѣюсь на молодежь, что она тоже страдаетъ „исканіемъ правды“ и тоской по ней. Дѣти также находили въ немъ своего защитника. Жестокое и несправедливое обращеніе съ ними вызывало въ душѣ Достоевскаго страшное негодованіе.

— А знаете-ли вы, говорилъ Θ . М., что такое оскорбить ребенка? Сердца ихъ полны любовью невинною, почти безсознательною, удары вызываютъ въ нихъ горестное удивленіе и слезы. Вѣдь ихъ разсудокъ никогда не въ силахъ понять всей вины своей. Видали ли вы, или слыхали ли о мучимыхъ маленькихъ дѣтяхъ, ну хоть о сироткахъ въ иныхъ чужихъ семьяхъ? Видали-ли вы когда ребенокъ забьется въ уголь, чтобы его не видали, и плачетъ тамъ ломая ручки, и ударяя себя крошечнымъ кулачкомъ въ грудь, не зная самъ, что онъ дѣлаетъ, не понимая хорошо ни вины своей, ни за что его мучаютъ, но слишкомъ чувствуя, что его не любятъ?

Бѣдныя и брошенныя дѣти вызывали въ его сердцѣ самое теплое чувство участія. Кто не помнитъ его „Мальчика у Христа на елкѣ“? Этотъ маленькій фантастическій рассказецъ навѣялъ на него одинъ бѣдный мальчикъ, котораго онъ встрѣтилъ наканунѣ Рождества, стоящимъ подлѣ окна магазина, гдѣ горѣла роскошная елка. Онъ, не смотря на жестокой морозъ; былъ одѣтъ почти по лѣтнему и просилъ милостыню. Вотъ какую грустную картину этой встрѣчи набрасываетъ художникъ психологъ въ своемъ рассказѣ „У Христа на елкѣ“.

„Мерещится мнѣ, былъ мальчикъ, еще очень маленькій. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ, холодномъ подвалѣ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря какъ онъ вылетаетъ. Но ему хочется ѣсть, онъ съ утра нѣсколько разъ подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ подстилкѣ и на какомъ то узлѣ подъ головой лежала больная мать его.

Напиться-то онъ гдѣ то досталъ въ сѣняхъ, но корочки ни гдѣ не нашель, въ десятый разъ уже подходилъ онъ разбудить мать свою—спить. Жутко стало мальчику въ темнотѣ: давно начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо матери, онъ подивился, что она не двигается и холодна какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно, забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъдохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ нашаривъ на нарахъ свой картузишко потихоньку, ощупью, вышелъ изъ подвала.

Долго бродилъ голодный мальчикъ по улицамъ. Но вотъ онъ дошелъ до одной большой улицы, ѣзда на ней страшная, мальчикъ боится, чтобы его не раздавили, онъ всталъ въ сторону и вдругъ его освѣтило. „Ухъ какое большое стекло“, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ куклки, маленькія лошадки, а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ и ѣдятъ, и пьютъ что-то. Глядитъ мальчикъ, дивится и смѣется. И вдругъ вспомнилъ и почувствовалъ мальчикъ про то, что у него на рукахъ и ногахъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше. Снова видитъ за стек-

ломъ елку. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. На него закричали, замахали, чтобы ушелъ. Одна барыня сунула ему въ руку копѣчку и отворила ему поскорѣе дверь на улицу. А копѣчка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и удержать ее. Въ это время проходилъ мимо его какой-то мальчикъ, треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузь, а самъ снизу поддалъ подъ ножку.

Бѣдный мальчикъ упалъ на землю — тутъ закричали, онъ испугался и пустился бѣжать, забѣжалъ самъ не знаетъ куда въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами. Сидя за дровами ему показалось, что ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ, вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мать пѣсенку. Мама, я сплю, ахъ какъ тутъ спать хорошо! и онъ протянулъ руку. О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки, — но нѣтъ, это все дѣти, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мать и смѣется на него радостно.

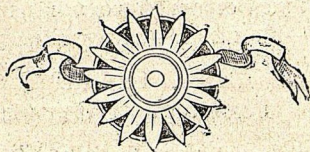
— Мама! Мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! „Кто 'вы дѣти“? спрашиваетъ онъ, смѣясь радостно.

— Это „Христова елка“, отвѣчаютъ они ему.

На утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; розыскали и его мать... Та умерла еще прежде его...

Умеръ и нашъ незабвенный Федоръ Михайловичъ, оставя послѣ себя двоихъ дѣтей, которымъ онъ, за нѣсколько минутъ до смерти, завѣщалъ: быть честными, добрыми, любить свою мать и помогать бѣднымъ.

А. Толивірова.

МАЛОРОССЫ.

(См. статью № 6 „Игрушки“ о Малороссии).

Въ № 6 „Игр.“ на послѣдней страницѣ подъ верхнимъ рисункомъ вкралась случайно ошибкою подпись—Коли з ей—слѣдуетъ исправить—Видъ Рима.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 февраля 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11--2.